

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires

Argentina

ЕЖЕНЕДЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAÍS”
SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 623.718

Correo B.
Central Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión № 4233
Concesión №. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI

Buenos Aires, Jueves, 15 de octubre de 1959

Буэнос Айрес, четверг 15 октября 1959 года № 507

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

121. ПУТЕШЕСТВИЕ ХРУЩЕВА МОЖЕТ СТАТЬ РОКОВЫМ ДЛЯ ЕГО ДИКТАТУРЫ. — ТРАГЕДИЯ ПОСЛА М. А. МЕНЬШИКОВА. — МИССИЯ ГЕНЕРАЛА АРМИИ А. С. ЖАДОВА. — СОВЕТСКАЯ ПЬЕСА “ДВЕНАДЦАТЫЙ ЧАС” ВЛАГАЕТ В УСТА “ЛИКВИДИРОВАННОГО” КОНДИТЕРА ПРОРОЧЕСТВО О БУДУЩЕМ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, КОТОРОЕ ИСПОЛНИЛОСЬ НА НАШИХ ГЛАЗАХ. — НОВЕЙШЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ О НАШЕЙ КАТАКОМБНОЙ ЦЕРКВИ И О ПАЛОМНИЧСТВЕ К ЧУДОТВОРНОМУ ИСТОЧНИКУ В ДАВНО ЛИКВИДИРОВАННОМ МОНАСТЫРЕ ПРЕПОДОБНОГО ТИХОНА МЕДЫНСКОГО.

В прошлой своей статье я обращал внимание читателей на то, что поездка Хрущева в САСШ со всей семьей, но при полном отсутствии видных политических спутников из секретарей и членов призидаума ЦК, делает поездку его личным политическими маневром, а поэтому ее неудача не только обострит “Холодную войну” и усилит угрозу “Горячей”, но и может оказаться роковой для его карьеры.

История не покорала победителей Чингиз-хана, Тамерлана или Сталина, но не простила обоим Наполеонам — 1-му и 3-ему, Муссолини и Гитлеру их поражения. Теперь Хрущев обещал и боязливым войнами партийным своим единомышленникам и не желающему войны русскому народу, что привезет им конец Холодной войны и ему опасно привозить ее обострение. Раньше можно было сваливать вину на злого Даллеса или Маршалла, которые разжигают “мировой пожар” не желанной боль шевиками революции, а опасной для их режима войны, уверяя, что стоит американцам пригласить “самого” Хрущева и он сумеет с ними сразу столкнуться; после его поездки этого уже не скажешь!

Ошибкой было его стремление придать поездке личный характер, окружить себя не опытными мошенниками стиля Микояна и Козлова, а своими, ничего народу и партии не говорящими дочерьми,ставить на первые места вместо министров Громыки и Елютина, как ни говори, ответственных партийно-государственных работников, своих сына и зятя; еще большей ошибкой было согласие на программу поездки, при которой он посещает лишь миллиардеров типа Рокфеллера и бывшего владельца Чиатурских месторождений на Кавказе Авереля Гарримана и обедает у богатого фермера (кулака, на советском жаргоне), который его обещал угостить кукурузой; но еще безобразнее его поведение: трус по природе, он поручил своему чекисту генералу госуд. безопасности Захарову проверить все меры, чтобы не допустить до него русских или венгерских террористов, которые ему везде мерещатся, а потому не соприкасался с народом ни в Нью Йорке, ни в других городах, чувствуя себя в безопасности лишь на банкетах у друзей-миллионеров или среди кинозвезд Холливуда. Рассчитывая лишь на раболепство жаждущих финансовых выгод от торговли с Россией на кабальных для нее условиях бизнесменов или надеющихся на наживу от гастролей в России кинорежиссеров и актрис, он хамил везде, где слышал хоть одно слово возражения или полный горькой правды вопрос. Поэтому он грубо обругал мэра Лос Анджелеса Паульсона и в Сан-Франциско лидеров профсоюзов, задавших

ему вопросы: когда в России рабочие получат право бастовать или почему он приказал залить кровью венгерскую национальную революцию? Кричать, стучать кулаком по столу или грозить отъездом, если ему задают ненравящиеся вопросы, не показывает сознание своей правоты, как ему сказал лидер профсоюзного движения Рейтер. Глупо было ему обвинять американские власти в том, что его “держат под домашним арестом”, когда он сам так струсил инцидента в Лос Анджелесе, что приказал Захарову просить, чтобы поезд его не делал остановок на пути в Сан-Франциско, на что наехал Захаров получил ответ, что в момент отхода поезда из Лос Анджелеса слишком поздно технически менять расписание и ломать весь график движения по этой магистрали.

Глупо звучали его ответы, что в России забастовки не по вкусу самим рабочим, глупо звучало заявление, что при поездке в Будапешт он убедился в любви “к нему венгерского народа”, ибо советское военное вмешательство спасло его от саботажников и фашистов, что ему нельзя задавать неприятных вопросов, ибо он обидится и уедет в Россию и едва ли американцы дождутся того, что другой глава советского правительства к ним в гости приедет. В последней фразе чувствуется шантажистский намек: “я — самый вам расположенный и миролюбивый из большевиков; если не сумеете со мной столкнуться и подружиться, то это вызовет мое падение и тогда мой преемник затеет настоящую войну, которая положит конец вашему мирному благоденствию”. Воспитанный на лживой доктрине Ленина и Сталина, Хрущев убежден, что Соед. Штатами правят лишь “акулы нью-йоркской биржи”, которых надо заинтересовать в выгодах для них сохранения в России советской диктатуры, а профсоюзных лидеров можно безнаказанно третировать, как “лакеев капитализма”. В этом — его грубый просчет: в пору нашей Гражданской войны народная усталость от Мировой войны на Западе и симпатии к еще блеставшему заманчивым миражем режиму Ленина не позволило Черчиллю и Пуанкарэ организовать настоящую, а не опереточную интервенцию, а теперь жалкий эпигон большевистских тиранов делает ставку на банкеты у промышленников и визиты к кинозвездам после посещения “честной вдовы”, как называют советские дипломаты Элеонору Рузвельт, вызывая раздражение своей наглостью и грубыми угрозами среди честных американцев и еще более среди русского народа, который он срамит глупыми заявлениями, что рабочему не надо права бастовать, его довольно на-кормить боршом, или что венгерцы

любят, когда присланые Хрущевым танки очищают улицы их столицы от “фашистов”, непокорных Хрущевской диктатуре.

Пока советская печать умалчивает о промахах Хрущева, как молчала о провале Венского фестиваля молодежи и студентов, скрывая те позорные сцены, которых я был свидетелем, и заливается соловьем, передавая восторги колхозных бригадиров и дядяк по поводу брошенного на луну космического снаряда. Неполадки при сборе урожая, отсутствие мыла и бани в новых поселках на целине, жалкие полупустые прилавки провинциальных магазинов — все это, якобы, прощает русский крестьянин, рабочий и рядовой советский служащий при виде треснувшегося о лунную поверхность стойкого немалых денег космического снаряда. Думая о затратах на эти поражающие иностранцев успехи советской науки и техники, не думает ли деревенская молодежь:

“А сколько бы вышло портняк для ребят?

А всякий раздет, разут!”

Хорошенькой иллюстрацией советской веселой жизни является натянутая, порою сама собой исчезающая улыбка жизнерадостного советского посла в Соед. Штатах Михаила Александровича Меньшикова, которого за приветливость прозвали “улыбающийся Майк”. Этот талантливый дипломат прошел за долгие годы хорошую школу в Наркомате-Министерстве внешней торговли у плутоватого Микояна, строящего переговоры с иностранным коммерческим миром на советском принципе: “не надуешь — не продашь!” Еще в 1944 году он стал заместителем Микояна, в 1949 г. его преемником на министерском посту; после смерти Сталина был послан в Нью-Дели, где 4 года “обдуя” простоватого поклонника коммунизма Неру, затем с декабря 1957 года обвораживает в Вашингтоне американцев; его очаровательная жена сумела, оставив детей заложниками в России, приобрести симпатии американской и иностранной дипломатии, способствуя хорошему приему Микояна и Козлова; но достаточно было грязного доноса, что она слишком восхищается американским образом жизни, чтобы возникло подозрение, что она намерена привезти детей на каникулы к отцу и тогда вся семья “изберет свободу”, чтобы Хрущев приказал задержать ее в Москве и не пускать в Америку, пока он там с семьей разъезжает; вопреки предполагавшемуся церемониалу хрущевские выезды сопровождают, кроме его жены и дочерей, лишь жена Громыко, а посол следует за ними на положении “соломенного вдовца”, которому при новых доносах на жену грозит опасность стать настоящим вдовцом; такова проклятая жизнь даже советского посла и кандидата ЦК партии еще с XX съезда 1952 г. Как черти в преподней, коммунисты не только терзают наш бедный народ, но и сами друг другу не дают покоя. Верная служба коммунистическому начальству, начиная с тянувшего его по служебной лестнице Микояна, не заслужила Меньшикову ни малейшего доверия со стороны вождей, которые грубо устранили его жену от участия в “парадной

Глубокоуважаемый и дорогой Всеволод Константинович!

От имени Объединения Русских Юристов б. Ди-Пи в Америке и своего, горячо и искренне поздравляю Вас с выпуском 500-го номера газеты “НАША СТРАНА”.

Поистине — это “подвиг силы непомерной”, подвиг любви и преданности великомуученице России.

Нет той силы, которая заставила бы Вас, а вместе с Вами и нас, правды ради изгнанных из Отечества нашего, признать и подчиниться темным силам, временно владеющим народом наших.

Те, кто ныне признает слуг сатаны властью России, сеют ветер и пожнут бурю.

Будем помнить слова Апостола Павла: “Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем” (Гал. VI, 9).

Помоги Бог и Вам и нам, Вашим друзьям, не ослабеть.

Примите уверения искреннего уважения и преданности. Многая лета!

К. Николаев
председатель Объединения Русских Юристов б. Ди-Пи в Америке

поездке” Хрущева по столь для него чуждому капиталистическому миру Соединенных Штатов.

Провал намеченной Хрущевым поездки в Скандинавию, от которой он сам предусмотрительно отказался, усилил советские военные приготовления на Северо-Западном секторе советского Железного Занавеса. В связи с этим, выехал в Финляндию с группой офицеров генерального штаба заместитель главнокомандующего сухопутными силами СССР генерал армии Алексей Семенович Жадов; этот 57-летний генерал, занимавший ряд лет пост начальника Академии им. Фрунзе (на котором его сменил в прошлом году генерал армии П. А. Курочкин) имеет репутацию одного из лучших стратегов в советских штабных кругах и поездка его рассматривается поэтому, как изучение возможного в будущем театра войны, если американские десанты в союзной Норвегии попробуют воспользоваться финской территорией для организованного похода на Ленинград. Ведь поход Гитлера на Ленинград был сорван разброской его сил между двумя объектами наступления — Москвой и Ленинградом и пассивностью финских войск на Карельском перешейке. Маршал Маннергейм в своих мемуарах поведал нам, как он сознательно саботировал германский план совместного наступления на Ленинград, чтобы доказать Сталину, что финская армия не может взять Ленинграда, ибо не верил в германскую победу с самого начала и боялся, что за времённую оккупацию Ленинграда Сталин просто сотрет с лица земли финский народ, посмеявшись овладеть колыбелью мирового коммунизма. Теперь советским генералам важно дать понять финнам, что в случае новой войны их почти разоруженная страна должна сразу подвергнуться советской оккупации, чтобы не допустить высадки американского десанта или похода с американских военных баз в Норвегии, которые уже сей-

† Волею Божией, после тяжкой болезни, 17 сентября 1959 года в Буэнос Айресе скончался СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ ПОПОВ, о чем сообщают убийцы горем родственники. В 40-й день — 26 октября в 1 час дня будет отслужена панихида на Английском кладбище на могиле усопшего.

стр. 2 час озабочивают советские военные круги.

При чтении новейших произведений советских драматургов, принятых к постановке в предстоящем театральном сезоне, иногда поражает, как при полном благонамерении всей пьесы, построенной в духе последних партийных директив, пропущены отдельные фразы или целые монологи, которые наведут на размышления советского зрителя, вдумчивого и привыкшего понять антисоветский намек с полуслова.

Вот, например, новая пьеса известного драматурга Алексея Арбузова: “Двенадцатый час”, посвященная ликвидации частной торговли в 1928 году. Герой пьесы, владелец кондитерской в Ленинграде, обрусевший бельгиец Дор (мне кажется, что это списано из известного в годы НЭПа владельца лучшей кондитерской Лора); у него дочь поэтесса, влюбившаяся в студента-комсомольца, но систематически изменяющая ему (надо же показать моральное разложение “буржуазии”); отец мирно ведет свою процветающую кондитерскую и на наглое заявление молодого коммуниста Безенчука, что наступающий период индустриализации и ликвидация НЭПа означает для кондитера смерть, скромно отвечает: “Чем я мешаю? Я только жалкий кондитер... Человечество любит сосать леденцы. Я иду ему навстречу. Вот и все”.

Но когда в последнем акте он узнает, что у него конфисковали кондитерскую фабрику, магазин и все имущество, несмотря на то, что Ленин обещал свободу частной торговли “всерьез и надолго”, он трагически заявляет:

“Вы можете отнять у меня фабрику, мои кондитерские, но разве есть сила, способная выжечь из человеческих сердец неистребимую страсть к собственному, частному, к тому, чем жив человек, когда он закрывает на ключ священные двери своего дома... Вам погрезилось, что люди устали обманывать, объегоривать, обсчитывать? Жалкая наивность!.. Да в том только и смысл жизни бедного двуногого! отнимите у меня фабрику и передайте ее государству и завтра же приказчики, рабочие, продавцы начнут объегоривать и обвещивать друг друга, а пуще всего своего товарища-директора. Почему? Потому, что ими будет владеть инстинкт изобретательства — святой инстинкт, который преображает нашу жизнь, делает ее прекрасной... Нет, мы еще поборемся; мы можем временно отступить, мы можем переменить обличье, но уничтожить нас невозможно, ибо никаким декретом нельзя уничтожить нас и отменить самого духа нашего, который живет во всех порах,

во всех щелях людских душ и сердец. Как ни был бы черен сегодняшний день — за нашу неистребимость в будущем!”

Автор не мог продолжить до конца логики его рассуждений о всеобщем обмане в аморальном советском обществе; стремясь увеличить свой заработка, рабочий обманывает мастера, мастер — заведующего цехом, тот — директора фабрики, но на этом не кончается цель лжи и обмана, пронизывающего самую сущность советского хозяйства; директор обманывает приписками и лживыми отчетами о перевыполнении плана производства, о снижении себестоимости, об экономии сырья и топлива свой трест, а трест приумножает эту ложь в докладах своему министерству и местному обоку партии; министр обманывает совет министров, а обок обманывает ЦК партии и “лично самого Никиту Сергеевича”, а тот, величайший после смерти Сталина и ликвидации Берии, Маленкова, Молотова и Булганина обманщик русского народа лжет о хозяйственном благополучии, о росте советского хозяйства, о том, что если не сегодня, так завтра русские люди заживут по-человечески, будут сыты и одеты прилично, не будут жить в городах в скученных квартирах, а в деревнях и на стройках — в безобразных бараках и землянках. Только при НЭПе жилось в городах так, как не жилось потом при Сталине, а теперь при его последышах, среди которых Хрущев сейчас кажется победителем! Пусть же он глядит сейчас в Соед. Штатах, какой была жизнь в Российской Империи в 1959 г., если бы жалкие отгорванные от жизни радики не ввергли народ в болото Февраля, откуда ему был один путь в пучину Октябрьского рабства и ништеты, которую уже 40 лет обещают превратить в земной рай создатели большевистского ада!

Вот какие мысли приходят в голову советским зрителям написанной по партийной директиве пьесы А. Арбузова. Мне вспоминались при чтении его произведения две фигуры, которые можно назвать, ибо теперь им было бы лет 70-75, возраст, до которого горимые советскими палацами люди не доживаются: один был симпатичный 45-летний Александр Самуилович Боярский, открывший при НЭПе прекрасную кондитерскую на проспекте Нахимсона (б. Владимирский), как раз напротив тогда еще посещаемого в праздники, теперь ставшего антирелигиозным музеем, Владимирского собора; его я встречал, сначала покупая прекрасные пирожные в его кондитерской в период моей научной, быстро оборвавшейся арестом

работы, а потом в 1931 г. в концлагере на Май-Губе, а затем в 1932 г. на Медвежке. Приговоренный к пяти годам, как нэпман, он, потеряв все имущество, твердо верил в то, что люди всегда будут любить пирожные, а советские кондитеры будут больше обкрадывать “страну трудящихся”, чем его обкрадывали его пекаря, кондитеры и хорошенки приказчицы. Другой был богатырского вида рязанский огородник Константин Иванович Гречишев, в свои 50 лет внушавший уважение уоловникам, отбывавшим с ним концлагерь на Май-Губе и почтительно говорившим, что Гречишев всяко из них “одной соплей перешел”! Он до революции создал себе миллионный капитал колоссальными огородами, поставлявшими из Рязани лучшие овощи в Москву, сидел несколько раз в лагерях в пору Гражданской войны, как буржуй и староста собора после 1918 года; при НЭПе снова получил назад свои огороды и стал поставлять овощи на весь Ленинград, которые загноили советские “кооператоры”, хранившие их в непреспособленных под овощехранилище церквях. Снова получил 10 лет лагеря при ликвидации НЭПа, и был привезен в Ленинград, как свидетель по делу ленинградских кооператоров, которых он даже после обещания ему амнистии не захотел оговорить. Он сидел со мной в камере № 9 около месяца, затем встретились на Май-Губе, где ему снова поручили заедывание обширными огородами и этот замечательный знаток своего дела выращивал на карельской почве овощи, какие всю жизнь выращивал в родной Рязани. Он убежденно говорил мне, что и огородник не будет давать хорошие овощи, не будучи владельцем огорода. Видим, что и сейчас Хрущев стремится заинтересовать колхозников, разрешив им сбыт продукции на рынок и обещая им выгодные государственные закупки овощей, но его известные читателям проекты создания грандиозных государственных пригородных хозяйств показывают, что простая для Гречишева проблема снабжения столиц дешевыми доброкачественными овощами еще не разрешена, хотя для этого на сорок второй год большевизма созывают совещания при ЦК и совете министров. Без частных огородов не получить населению при Хрущеве хороших овощей в изобилии и по дешевой цене, как оно их не имело при Ленине (исключая пору НЭПа) и при Сталине.

В № 29 “Огонька” (июль с. г.) находим интереснейшую корреспонденцию члена редакционной коллегии этого журнала Ник. Ник. Кружкова: “Ко-

нец Тихонова дня”. Она начинается с сообщения всем верующим русским людям известного факта — в 18 км от Калуги стоял старинный монастырь Святого Тихона Медынского, память которого празднуется 16-го июня по ст. стилю. Безбожный редактор уверяет, что он сам вырос под Калугой и помнит с детства, как у ворот обители “стояли нищие и юродивые с бесчисленными извями, выставленными напоказ, здоровенное монашество в состоянии крайней сырости, темный и серый народ, ищущий утешения от житейских скорбей..” там был в обители “святой колодец”, где верующие искали исцеления. Для большей убедительности антирелигиозного рассказа Кружков уверен, что его семилетним мальчиком набожный дед, несмотря на громкий рев, окунул в ледяную воду колодца и он захворал воспалением легких. Дед сидел у кровати больного внука и, угощая его пряниками, просил будущего советского журналиста “отцу не говори, что купался со мной в Тихоновой пустыни, а то достанется мне от него орехи!”

Оказывается, что после революции монастырь закрыли и в его помещениях находится свыше 35 лет сельскохозяйственный техникум с 300 студентами, но “еще 5-6 лет назад (т. е. в 1953-54 г. г.) к Тихонову дню собирались у колодца и вытекающего из него ручья многочисленные толпы, собирались с ночи, жгли костры, ночевали тут же, народ приходил из дальних мест набрать “святой воды” искупаться, получить исцеление. Разные бестместные священнослужители-расстряги пробирались сюда на заработки... не брезговали легким и неблаговидным заработком легальные в ту пору священники... нам рассказывали о батюшке из села Никольского, отце Николае, который до 1958 г. срывал за один день куши в 10-12 тыс., являясь бесстыдно на гастроли к целебному источнику..”

Это открывает читателям по всей России и нам в нашем рассеянни глупый безбожник? Что еще в прошлом году приходили к колодцу с вечера, значит служились всенощные, народу было столько, что несколько священников служили врозь отдельно друг от друга. Мне ясно, что бестместными попами-расстрягами он называет неизвестных патриархии, т. е. принадлежащих к тайной Церкви и странствующих по Руси верных наших пастырей, которых советский патриарх считает расстрягами. Впервые в советской печати нахожу термин “Легальный священник”, что означает принадлежащего к патриархии в отличие от “Нелегального”, бестместного, которого об-

Борис Башилов

КТО ВРАГ?

Повесть

Газета называлась “Голос Народа” и, как сообщалось в подзаголовке была органом Центрального Комитета Национал-Социалистической Трудовой партии России. Николаев прочел отмеченную красным карандашем заметку “Народная демонстрация в Полоцке”. В этой заметке сообщалось о том, что в Полоцке состоялась многолюдная демонстрация организованная Полоцким комитетом НСТПР. В ней говорилось, что участники демонстрации несли русские национальные флаги, плакаты с антибольшевистскими лозунгами и среди них плакат, на котором было написано: “Не хотим ни большевизма, ни иноземной власти”.

Николаев читал и не верил своим глазам. В первый раз он читал в газете на русском языке, напечатанной в России, такую заметку.

Николаев попросил, чтобы Орлович дал ему все бывшие у него номера “Голоса Народа” почитать на дом. Орлович дал, попросив его обязательно вернуть все газеты. Придя на квартиру, Николаев прочитал все номера “Голоса Народа” в один присест, не отрываясь. Это была удивительная газета, не похожая ни на Берлинское “Новое Слово”, ни на одну из газет, издававшихся на оккупированной территории немцами. Это была, действительно, русская национальная газета. В газете национал-социалистической партии России ни звука не говорилось об идеологии национал-социализма и ни разу не упоминалось имя Гитлера. В передовой статье утверждалось, что русские, украинцы и белорусы это ветви единого народа. Можно было себе представить ярость председателя Белорусской Рады, немецкого лакея Островского, когда он читал эту газету. Ведь он знал, что три последних номера “Голоса Народа” без всякой цензуры со стороны немцев, с помощью одного ловкого трюка напечатаны в немецкой военной типографии

13 в Барановичах. Было напечатано сто пятьдесят тысяч экземпляров и все они продаются в городах Белоруссии. На второй странице была статья профессора Ильина об историческом бремени русского народа, выдержанка из одной из его книг. Статьи посвященные партийной идеологии представляли собою ничто иное, как статьи на тему о путях национального возрождения России.

— Ну, как Вам понравился “Голос Народа”? — спросил Орлович, когда на другой день Николаев принес ему взятые номера газет и программу НСТПР.

— Если говорить о программе, так это же обычная программа НТС. Я бы сказал, очень плохо замаскированная. А газета, скажу прямо, замечательная.

— Это наши ребята в Дятлово разворачиваются, — улыбнулся Орлович. — Я послал туда несколько человек. Хомутову поехали помочь Роман Дитрих, русский немец, Евстафий Чебуков, Поморцев, Владимир Мацкевич и другие. Вот, Алексей Николаевич, вступайте в НТС и тоже поезжайте, — проговорил Орлович.

— А работа интересная, но, конечно, очень опасная.

— Почему опасная? Разве Каминский против членов НТС?

— Он ничего не знает о том, что это члены НТС. А опасная работа потому, что ни немецким, ни советским агентам работающим в РОНА, не нравится деятельность Хомутова и других наших работников. Они начали кампанию против той разнозданности, на которую все время толкают Каминского агенты Гитлера и Сталина. В Хомутова в Дятлово уже несколько раз стреляли. Начальник контрразведки Працук, редкая гадина, уже несколько раз говорил: “Пусть мальчики еще немножко потешатся, а потом я им сразу головы поотрываю”.

Уже прощаясь, Орлович еще раз предложил Николаеву вступить в НТС и поехать в Дятлово, сказал что в Дятлово назревают большие события, что Хомутов сумел заслужить доверие и завербовать в члены НТС заместителя Каминского подполковника Белая, хорошего человека, любимца всех офицеров и солдат. Сейчас при ЦК партии создан особый партийный отряд, будто бы с целью охраны Каминского, а на самом деле против него. Правда, с каждым днем Каминский все более подпадает под вли-

яние нового члена ЦК Романа Ди ино бороться с насилиями над ним. Працук и другие преступные типы вообще решено, что если Каминский мет более решительного курса прядь произведет переворот. Каминский место будет выдвинут любимец Е

Прочитанные Николаевым газеты Орлович очень его заинтересовал Орловича, какую позицию занимали он на соединение с РОА, если

— Каминский относится отрицательно, сам хочет быть вождем всех русских, одна из причин, которая заставила Каминского уже сейчас

— А как относится к Власову?

— Он признает Власова. Он минский должен быть во главе, пятьсот добровольческих батальонов в странах Запада, в одну антибольшевистскую

Орлович взглянул на Николаева

— А как вы сами, Алексей Евгеньевич? Когда вы были у меня в Слуцке, что считаете Власова честным человеком, талантливым военным, сподвижником Сталина.

— Я и сейчас такого же мнения, нужно для того, чтобы батальон

— Ну хорошо, — проговорил Орлович. Так как вы спешите, то я вас прошу сказать еще кое-что, что вас должны были ребятушки тоже не спят. Члены пропаганды в НСТПР, уехал сейчас

— Нет, не знаю.

— Он поехал сообщить презденту Позднякову, чтобы тот передал В

льжно зовут расстригой безбожники. Наличие семинарий патриарх всегда мотивировал недостатком духовенства, следовательно, если священник не имеет прихода, то это не в силу слишком большого числа пастырей, а потому, что или он не признал патриарха или патриаршая иерархия не берет его, как политически неблагонадежного по отбытии за исповедничество заключения или ссылки.

Затем идут жалобы, что “богомольцы загрязняли берег тряпьем, ибо поверье требует, чтоб больной оставил здесь свои зараженные вретища”...

В 1959 г., очевидно по требованию властей, в лице Обкома партии и его первого секретаря Сергея Осиповича Постовалова (в партии с 1930 г., канд. ЦК с 1952 г.), 78-летний епископ Калужский и Боровский Онисифор (б. архимандрит Петр Пономарев, хиротон. в 1945 г. и 14 лет занимает ту же кафедру) “дал указание священникам своей епархии, обратиться к верующим, чтоб они не принимали участия в паломничестве к источнику”. Приказом Исполкома колодец закрыт и над ним сооружена водонапорная башня, откуда вода разливается по трубам.

Но когда Кружков приехал накануне праздника, т. е. 18-го июня нов. стиля, проверить исполнение указаний исполнкома и сотрудничающего с ним советского епископа, усердствующего в искоренении почитания святого угодника Божия, то он увидел на другой день такую картину: недалеко от большевистской водонапорной башни, в лесу, “поэтически” журчит ручей среди густых зарослей”, очевидно советские инженеры не сумели или не захотели полностью капитировать глубокие воды святого колодца, которые выбились по близости ручейком... “народ все-таки появился... некоторые, видать, пришли издалека, немалые версты остались у них за плечами, котомки пыльны, на лицах усталость... девчонки пробежали с бидонами и молочниками “набрать святой воды”...

Из дальнейшего рассказа выясняется, что некоторые приехали издалека, одна старушка прибрела из-под Орла, молодая женщина приехала из Белоруссии. Не было в этом году покорных епископу Онисифору “легальных” священников, но “среди паломников толкался старичок, именовавший себя отцом Борисом; одет был в худой пиджачик и брюки, висевшие на нем колоколом”... “Молебнов не было, но явилась накануне Тихонова дня некая личность, Иван Гудзь, имея на руках требник и принадлежности церковной службы”. При появлении утром у ручья Кружкова и, вероятно, милиции или чекистов “проходимец” поспешил так быстро исчезнуть, что даже оставил свой паспорт, из которого выяснилось, что он из Ровенской области, 1897 г. рождения. Непонятно, как мог человек скрыться, оставив свой паспорт, если он был при нем; ясно, что он служил ночью у ручья, а милиция явилась в избу, где он остановился и там забрала у хозяев его паспорт; он же скрылся и унес “принадлежности церковной службы”. Кружков выбалтывает, “что рассчитывали (кто — чекисты?) встретить некоего Николая Воропаева. Это в прошлом экскаваторщик каменного карьера... он занялся промыслом более легким: тайно крестит детей и совершают кое-какие не требующие большой церковной грамотности службы — маленький хищник, присосавшийся к человеческой темноте. Но он не явился: свое дело Воропаев совершает втайне и попадаться на глаза не хочет... Мы (мы — это советский журналист Кружков и вылавливавшие тайных священников чекисты) пробыли у ручья почти до сумерек и насчитали всего сотни две паломников...”

Статья кончается призывом усилить антирелигиозную пропаганду.

Отсюда легко сделать следующие выводы:

1. До прошлого года сотни людей шли праздновать Тихонов день у чудотворного колодца.

2. В этом году органы власти приняли экстренные меры: малодушному рабу безбожников дряхлому епископу Онисифору, трусящему кончить жизнь не на советской епископской кафедре, поручили запретить священникам служение молебнов св. Тихону Медынскому у его колодца, самый колодец закрыли водонапорной башней, но народ все же явился в числе 200 верующих, из которых некоторые пришли из Орла или приехали из далекой Белоруссии

Г. Месняев

СТАРАЯ ЛОЖЬ

Есть такой писатель — Роман Гуль. Напишет он не плохо, бойко, с той легкой занимательностью, которую ценит не особенно требовательная широкая публика. Написал он когда-то книгу о первом, “Ледяном” походе, коего он был участником. Книга эта была написана в таком духе, что ее охотно, для дисcredитации Белого движения, перепечатали советчики. С последними у Романа Гуля, одно время, завязывались дружеские отношения. Кое-кто из эмиграции, прельщенными призываами Гуля к возвращению в СССР, туда вернулись, и, естественно, должным образом за это поплатились. Все это, в своей совокупности, в достаточной степени освещает политическую и моральную личность этого писателя. Поэтому-то совершенно невозможно было ожидать от него того, что он в своей новой книге “Скиф в Европе” (Изд-во “Мосты”, 1958 г.), в которой описываются две по-разному незаурядные личности: Император Николай I и неукротимый бунтарь, анархист Бакунин — мог бы отдать дань исторической и художественной правде. И, действительно, этот его квази исторический роман, представляет собой повторение старой лжи о Государе Николае Павловиче и о России его дней.

В сущности, Гуль, с меньшей, конечно, степенью талантливости, повторил ту клевету о Государе, которую, в свое время, на него возвел в своей повести “Хаджи-Мурат” Лев Толстой. С необыкновенным и трудно объяснимым пристрастием, последний представил Импер. Николая I тупым солдафоном, жестоким, самовлюбленным, счастлившимся человеком и безграничным деспотом. Сделал он это потому, что службы Императора Николая I с тех пор, как Толстой стал отрицать Цареву, государство, традиционный быт, законы, долг, — стали для него совершенно ненавистными. Клеветническая легенда о Николае Палкине пущенная в ход Толстым, — с большой радостью была подхвачена всеми ненавистниками царской России и была канонизирована русской интеллигенцией.

Конечно, Роман Гуль не пошел по пути переоценки исторических ценностей: он, как и все другие люди его стиля, остался целиком в пленах тех вульгарных представлений, которые, с давних пор, внедрялись в русские головы поклонниками всяческих вольностей и свобод и ненавистниками идей государственности, закона и порядка. По Гулю: Император Николай — “жандарм Европы”, тиран, деспот и гаситель всего светлого; Бакунин же — благородный паладин свободы, враг деспотизма, мещанства, широкая натура, привлекательная личность.

Почти через полвека после русской революции, прямо-таки стыдно читать заплесневелые пошлости о Государе Николае Павловиче, пущенные в ход Герценом, усугубленные Толстым и подхваченные их духовными потомками, отличающимися печальной склонностью к бунтарству, неурядице и смуте.

Можно думать, что большинство людей, переживших решающие и роковые десятилетия нашей отечественной истории, в достаточной мере полно усвоили убеждение в том, что всяческие мятежи, бунты и революции, осуществляемые под пышными и высокопарными лозунгами, на деле влекут за собой страшные бедствия, гибель множества людей и разрушение плодов культуры.

В книге Р. Гуля рассказывается о

(говоря советским жаргоном, это было не российское, а всесоюзное паломничество), и, при отсутствии лукавого советского духовенства, верующие нашли пастырей тайной Церкви, как отцы Борис и Иоанн; возможно, что у второго был антиминс и ночью он служил обедню и причащал исповедавшихся перед обедней у него и отца Бориса паломников.

3. Западные чекисты искали случая арестовать ставшего потайным священником б. экскаваторщика Николая Воропаева не удалось; его, вероятно, предупредили и он не пришел; скрылся утром от опоздавших чекистов и отец Иоанн!

Таково новейшее свидетельство безбожников о нашей Церкви!

Алексей Ростов

том, как Бакунин, возглавляя революцию в Дрездене, распорядился поджечь здание королевской оперы и срубить на одной из лучших дрезденских улиц цветущие, вековые липы. Мало того, он намеревался вынести на баррикады все картины знаменитой дрезденской галереи, включая знаменитую Сицкинскую Мадонну, для того, чтобы продемонстрировать свою ненависть и пренебрежение к искусству буржуазии. Совершенно напрасная и жестокая гибель прекрасных, в цвету лип — красноречиво символизирует то непоправимое разрушение прекрасного и чистого, которое несет с собой каждая революция.

Дешевая революционная романтика: всякие баррикады, красные знамена, революционные песни и многое другое, внешне притягательное, но внутренне лживое и фальшивое — уже не может обмануть всех тех, кто хлебнул этой романтики вдоволь. В свете нашего трагического опыта, трудно уже привить многоопытному и многоискусшенному русскому человеку, бессмысленную ненависть к покойному русскому Императору, еще в отдаленные от нас времена, понявшего весь зловещий смысл революционного свободолюбия и не побоявшегося исторической ответственности за разгром европейских революционных сил своего времени.

Немногих теперь могут прельстить старые басни о возвышенных и благородных революционерах и о бесчеловечных тиранах, якобы, попиравших свободу и элементарные права гражданина. Роковой, извечный спор между государственной властью, олицетворяющей собой закон и порядок, с одной стороны, а, с другой, революцией — в свете всего пережитого России и мира за последние десятилетия, решается, конечно, не в пользу Бакунина, а в пользу Императора Николая I. Сама жизнь, сурово и недвусмысленно, сказала нам на чьей стороне была правда. Но Роман Гуль видимо, принадлежит к той породе людей, которые не хотят знать правду. Окостенелая политическая мысль таких людей, их боязнь неосторожно тронуть застарелые и столь для них привычные идеи, мысли и представления — не позволяет им отойти от привычных исторических штампов и поколебать то, на чем от века зиждилась их ненависть к России.

Свой роман Роман Гуль начинает такими словами: “Император изругался извозчиком ругательством”. Эти слова и определяют дальше все, что написано об Императоре. Он, — по Гулю, — ограниченный и тупой неуч, солдафон, грубый и самоуверенный пошляк. Для того, чтобы всячески унизить, опошлить, свести величественный образ российского властелина в повседневную, пошлыньную обиденность, Роман Гуль все время стремится показать Императора в самом, что ни на есть, не героическом и не величавом виде: “Николай скинул мундир, ботфорты, лосины, остался в рубахе, в подштанниках. Шмыгнул в туфли, с постели взял шинель, накинул и бесшумно прошел к столу”. Ну, конечно, для издевки над Императором Всероссийским, Роману Гулю было выгодно изобразить его в подштанниках. А, в них, какой же может быть Император! Скорее, какой-нибудь Акакий Акакьевич, или, в лучшем случае, какой-нибудь майор или коллежский ассесор! А, таким способом, нетрудно, ведь, поколебать в памяти людей образ героя, непреклонного и мужественного, покоряющего словом взбаламученную толпу, теряющую разум в страшные, холерные дни. Такого Императора Роман Гуль естественно не показал. Это было бы не в его интересах!

Книгу свою Р. Гуль посвятил “памяти венгров, павших в октябрьском восстании 1956 года, в борьбе за свободу Европы”. Спора нет, что венгры, павшие в этом восстании, заслуживают чести и славы. Посвящение этим героям книги можно было бы только приветствовать, если бы в это посвящение не был вложен особый смысл. Совершенно ясна та аналогия, которая проводится Романом Гулем между историческими событиями 1848 и 1956 г. г. Между тем, на самом деле, никакой аналогии тут нет. Советы подавляли свободу, а Император Николай I подавлял революцию, спасая Европу от того, что революция несла ей. Он считал себя обязанным защищать “троны и алтари” от посягательств на них ре-

волюционной черни, и обязанность эту выполнил мужественно и твердо, как это подсказывала ему его совесть. Поклонники и энтузиасты революций, за это назвали его “жандармом Европы”. Под таким именем он и слынет в творениях революционных и околовреволюционных историков и писателей. А, между тем, в этом наименовании нет буквально ничего стыдного и позорного. Стоять на страже закона и порядка — миссия высокой ценности. И, как бы выиграла Европа, да и весь мир, если бы в страшные годы русской и других революций, нашелся бы в среде европейских монархов и государственных деятелей, другой, подобный Имп. Николаю, “жандарм”, способный раздавить революционную гаддину и спасти “Европы вольность, честь и мир”. Увы, другого человека, подобного Императору Николаю Павловичу, история не дала!

В свете таких, подтвержденных жизнью и опытом, положений, совершенно нелепо звучат теперь маниловские вздохи о венграх, подавленных в их революционном движении; о всяких удавшихся, полуудавшихся и вовсе неудавшихся революциях; о судьбе Бакунина и других революционных героев, своевременно заточенных в крепости и тюрьмы.

По свидетельству истории, Бакунин “непрерывно метался по Европе, сражаясь на баррикадах то в Праге, то в Дрездене, произнося речи на всевозможных конгрессах и митингах, сочиняя зажигательные статьи и возвзвания, словом, прилагая ичеловеческие усилия к тому, чтобы разжечь пожар мировой революции”. Если прибавить к этому, что он проповедывал совершенно нелепые, вздорные, но крайне опасные, по своей дешевой демагогичности, взгляды, сводившиеся к разрушению всех государств и к основанию, на их развалинах всемирной федерации свободных производственных ассоциаций всех стран — то станет совершенно понятным, почему все правительства тогдашней Европы и, конечно, правительство Государства Российского, в первую очередь — сажали Бакунина в тюрьмы. И, в самом деле, как иначе могли бы складываться отношения этого нелепого фанатика с законными правительствами тогдашнего мира? Неужели можно думать, что Бакунин, как и все другие революционеры — до и после него — могли бы свободно, без всякой узды, разжигать пожар революции и в России и в Польше, т. е. то, к чему стремился Бакунин.

Воздыхания явные и тайные об его судьбе, которыми полны страницы последнего романа Гуля, показывают, что старое сентиментальное прославление и возвеличивание всех предшественников и последователей Бакунина и других “героев” революции, до сих пор живет в известных русских кругах, к которым принадлежит и автор “Скифа в Европе”. Печальная неспособность и упорное нежелание понять, оценить и признать величайшее значение созидающей силы государства, закона и национальных традиций — продолжают, увы, жить в сознании и умах некоторых людей, кичающихся своим принципиальным свободолюбием. Для людей этого толка совершенно безразлично то, например, что Император Николай Павлович совершил грандиозное государственное дело, имевшее для России исключительное значение, кодифицировав российские законы и, тем самым, создав основу государственного правопорядка. Для них безразлична и упорная, успешная его работа по оздоровлению русских финансов и по подготовке крестьянской реформы. Имя вовсе не ценится благородная внешняя политика Императора Николая, направленная к защите православной веры, славян и греков и многое другое, что в корне противоречит бандальному представлению о замечательном Императоре, которое искусно внушиено безответственной толпе ненавистниками императорской власти. Старая ложь то и дело воскрешается в словах тех, кто давно отдал свои симпатии и сочувствия не представителям русской государственной власти, веками, в труднейших условиях, созидающим Россию, а ее разрушителям. Эта старая ложь повторена и Романом Гулем в его последнем романе. Однако, думаем, что ложь эта не сумеет уже сбить с толка все испытавших и многое понявших современных русских людей!

Г. Месняев

М. М. Спасовский

Хрущев в САСШ

Тот, кто более или менее внимательно читал о пребывании “русского премьера м-ра Хрущева” в Америке, не мог не заметить очень показательную во многих отношениях подробность, а, именно, о его встречах там, о его ясно выраженнем желании, с кем именно ему интересно разговаривать и с кем ему вовсе нежелательно встречаться и вести беседу.

В этом желании Хрущева избегать “плебса” определенно выявилось ничем неприкрытое его наплевательское отношение к американскому народу. С не скрываемым презрением он решительно отказался встречаться с американскими рабочими, фермерами, домашними хозяйствами, с детьми в школах, с рядовыми обывателями на их собраниях и в их клубах. И не трудно было догадаться, что этим презрением к широким слоям американского общества Хрущев прикрывал свой страх, — страх не за свою жизнь, а за свой престиж “пролетарского вождя”.

Его единственная трехчасовая встреча с руководителями американских профсоюзов в Сан Франциско наглядно выявила причину хрущевского страха. В беседе с “вождем пролетариата” лидеры профсоюзов потребовали от Хрущева дать свободу трудающимся в коммунистических странах, убрать зеркую цензуру, разрешить открытые собрания и открытое обсуждение текущих международных событий, запрещающее паспортную систему, запрещающую свободу передвижения по стране... Все это так взбесило и напугало Хрущева, что он не остановился перед тем, чтобы устроить кабацкий скандал. И этот скандал он начал с того, что обругал лидеров американских рабочих “лакеями капитализма”, “ставленниками капиталистов”, “врагами рабочего движения”, “паразитами народа и провокаторами”...

Чтобы наглядно подтвердить правоту и обоснованность своей ругани, Хру-

щев отплясал “кан-кан” и этим продемонстрировал, как именно лидеры американских профсоюзов “пляшут под дудку капиталистов”.

Президент Всеамериканской Федерации Труда, Джордж Мини, отказался участвовать в разговоре с Хрущевым, подчеркнув, что “с такими типами недопустима какая-либо связь”. А конгресс американских профсоюзов в своем заседании 21-го сентября тек. года принял резолюцию, в которой говорит, что “агрессивность Хрущева и Ко хуже сталинской”. Хрущев, конечно, все это предвидел, он был хорошо осведомлен об антисоветическом настроении широких американских общественных кругов и именно потому решительнейшим образом отказывался встречаться с американским народом.

Совсем другое дело его встречи с американскими “акулами Уолл-стритта” — финансистами и промышленниками. Среди них Хрущев чувствовал себя, как рыба в воде. Встречи эти были постоянными на всех банкетах, — всегда пышных, торжественных, неизменно миролюбивых и даже трогательных по своим душевным излияниям с обеих сторон. В этих задушевных разговорах Хрущев, полушутя, не однажды предлагал “хищным акулам” сходное положение в СССР — только бы перетянуть туда и капиталы, и машины, и специалистов. Американским же рабочим Хрущев мог предложить только коммунальную квартиру, где целые семьи ютятся за перегородкой из одеял, полуходячий заработка и более чем скромную одеконку, а в качестве развлечения заплеванную пивушку.

Все это, вместе взятое, в тысячный раз подтверждает то положение, что в России никакого коммунизма, в собственном смысле этого слова, нет, а там есть цитадель сатанинской системы всеобщего разорения, духовного растления и физического порабощения людей. И Хрущев является одним из приказчиков некоего международного Торгового Дома, спекулирующего на политике, на моральной ущербленности “прогрессивной элиты” и на глупости обывателя...

М. М. Спасовский

А. Ламберт

„Царство тьмы“

(Виктор Робсман)

Рассказы и очерки бывшего корреспондента “Известий”

Виктор Робсман умный и тонкий художник. Серии своих жутких очерков, отображающих царство тьмы, он предполагает беглый обзор другого царства, страны, где господствует простодушная уверенность в обязанности каждого смертного только радоваться и как можно шире пользоваться дарами Земли и всем, во что неукротимое человеческое воображение превращает их для безмятежного существования.

“К людям с повышенными эмоциями относятся здесь подозрительно, как к душевно больным...

В жизни должны быть порядок, удобства и покой. Молитва тоже для покоя. Надо только выучить наизусть псалмы и уметь читать их нараспев, удобно сидя, отдохвая, но никак не волнуясь”, — пишет Робсман об Америке, в которой жаждым оком журналиста он ловит налету все, что так противоположно его собственной раздавленной, несчастной стране.

Автор никого ни в чем не упрекает, ничем не попрекает, даже плечами не пожимает. Он просто подтверждает личным впечатлением вчерашнего подсоветского жителя мирное сосуществование на одной планете двух резко различных миров, что само по себе не ново, но сделано с такой мягкой, порой теплой сдержанностью, какая свойственна не всем писателям, а наделенным, благодаря этому, счастливым даром с первых строк завоевывать симпатию и доверие читателя.

Виктор Яковлевич Робсман вырос, учился и получил высшее образование при советской власти, неосторожно сделавшей его свидетелем “революционного” торжества там, где от беспартийных “инженеров душ” оно, как правило, скрывалось, в глухих

закоулках провинции в захолустных селах, “раскулаченных” монастырях; на гиблом отлете советских окраин, куда ученых с мировой известностью, вычеркнутых из общества, всеми забытыми посыпали заживо гнивать.

Таким, вот, образом, коммунизм воспитал В. Робсмана в твердой вере во Христа и в воскресение всегд, что на глазах молодого журналиста было расписано, заплевано сатанинским глумлением и, казалось, похоронено.

Нам известен длинный ряд всяческих художественных, нехудожественных и просто документальных описаний подсоветской действительности, но книга Робсмана не теряет от этого ни новизны, ни воспитательного значения. Она написана на редкость выпукло, но главное, все-таки в том, что сборник одушевлен сознанием высокого долга: пронести за глухие стены социалистического каземата подлинный стон его узников.

Виктор Робсман этот долг исполнил удачнее многих других. В его рассказах читатель не найдет надрыва, ни ожесточения, ни прямого осуждения; литературное ударение в них не на мучителях, а на мучениках. И ударение это, лишенное излишнего напряжения, проникнуто болезненной любовью; не вычурной, не худульной и крикливой, не условной, а простой и чистой — христианской.

Свидетельское повествование Виктора Робсмана, несмотря на очевидное совершенство языка, его завидные непринужденность, бесзысканность и свежесть в сочетании с полновесной грамотностью — (роскошью, присущей, к сожалению, не всем современным писателям); несмотря на острый глазомер автора и его умение несколькими штрихами нарисовать на долго запечатлевшуюся картину; несмотря и на поэтическую ценность заключительных страниц о Персии, в тюрьмах которой В. Робсман и его молодая жена нашла с родившимися там же своими детьми спасение от большевистского преследования; несмотря на все достоинства этого повествования, художественная сторона его играет подчиненную роль и заслоняется часто другим, более значительным свойством книги: она выстрадана сердечной болью большого патриота и порядочного человека, бежавшего из своего

П. Панин

Зверь из бездны

“Времени уже не будет”.
(Откр. 10. 6.)
“Игра ума и посвист птицы,
Земля и атом, тьма и свет, —
Одно, равны в Его деснице,
Одно, — меж ними грани нет.
Сочти, мудрец, единство тайны.
Не голос немощной земли,
А звуки дальни и бескрайны
В смиренной мудрости внемли”.

Изгар

Когда мне называют расстояния до звезд в сотнях и тысячах световых лет, мне всегда становится как-то неволовко: словно передо мной — слепой, который тщетно пытается рассмотреть стену, хотя она перед ним — рядом. Или: он хочет достать ее тростью, а стена от него — в десяти метрах... Проторенный, заученный путь по привычке, автоматически пытаются продолжить дальше, хотя дальше — никакой возможности проложить путь нет, — дальше — пропасть.

Словом: чтобы воспринять стену, нужно соответствующее зерно. Обладаем ли мы таким, рассуждая о звездах? Не пытаемся ли тростью достать до того, что тростью достать невозможно, а возможно только глазом? Наши, земные, рамки пытаются приложить к бесконечности?

Можно представить себе фантастическую возможность: человек преодолел время. Преодолел свое земное ограничение. Тем же ли тогда ему представится мир, те же ли и там же ли будут для него звезды? И вдруг окажется, что их совсем нет или они совсем рядом, никаких там нет световых лет.

Но для этого человеку надо преодолеть свою земную оболочку. Возможно ли это? Теоретически, умозрительно и априорно — возможно; уже сочинялись истории о машинах времени. Границы человеческому развитию пока не видно, и человек, в сущности, уже вырывается из земной оболочки. Думалось ли Гальвани, куда приведет его открытие! Если бы не только библейский, но и средневековый житель увидел телевизор, электронно-счетную машину или услышал о спутниках Земли, он чувствовал бы себя так же, как чувствуем мы себя в настоящую минуту. Вероятно, для этого требуется овладеть, например, несопоставимой с нашими понятиями скоростью, превышающей скорость света, (если таковая существует), или другими подобными возможностями, — вопрос не моей компетенции. Но допотопная арба и ракета, летающая со скоростью 24.000 миль в час, тоже вещи несопоставимые. Сможет ли земной, человеческий ум выдержать вневременное состояние? Вряд ли. Мы — дети Земли и созданы для Земли; или земной ум должен замениться другим, запредельным.

Есть только одно обстоятельство, которое может привести в смущение: катастрофичность современной культуры. Многие тысячелетия человеческое развитие двигалось на манер улитки, и, например, человек XVI столетия мало отличался от человека времен Перикла. И вдруг все кругом изменилось: овладев силой пара, а потом, особенно, электричества, мы сразу вышли в новый мир, словно бы выныгнули из себя, и обрели не только новые возможности опыта и наблюдения, но и новые возможности мысли. В результате за последние 150 лет мы узнали столько

отечества не в поисках лучшей жизни, а от хлеба, пахнувшего кровью.

Невеселые страницы этой отчетной книги останутся неразрезанными у тех, кто в духовном мире ищет только эстетического равновесия, чуждается всего, что учащает пульс и умеет сладко дремать в церкви под органные фуги Баха.

Но каждый, в ком искра Божия не затмилась еще затейливым блеском неоновой цивилизации, на страшный rapport отзовется болью тоже.

В читателях, где внутреннее достоинство убереглось на Западе от мещанского ожирения, книга Виктора Робсмана затеплит самую священную лампаду человеческой души — совесть, и напомнит о невыполнном до конца долгне перед родным народом, жаждущим восхода Солнца, которое закатилось для него сорок два года тому назад.

А. Ламберт

СВЯТАЯ РУСЬ
В СВ. ВЛАДИМИРСКОМ
ХРАМЕ-ПАМЯТНИКЕ

Св. Владимирским Обществом решено, кроме существующего порядка записи на вечное поминовение на стены Св. Владимира Храма-Памятника имен жертвователей и их близких и родных, живых и умерших, с пожертвованием на строительство Храма по 100 долларов за каждое имя, сосредоточить также в Св. Владимирском Храме-Памятнике имена главнейших и наиболее славных строителей и выразителей Святой Руси из различных эпох и сторон ее жизни. На строительство Храма за каждое записываемое имя в кассу Общества должно поступить не менее 100 долларов, причем пожертвования поступающие в любой сумме без обозначения имен для записи, будут обращаться на избранные самим Обществом имена. Те же лица, или общественные организации, которые желают записать определенное имя жертвуют по 100 долларов за каждое имя. На безымянные пожертвования, поступившие до настоящего времени, решено записать следующие исторические имена: убиенных большевиками митрополитов Владимира Киевского и Вениамина Петроградского, патриарха Никона XVII в., Великого Князя Ярослава Мудрого, воина Александра Суворова, Гавриила Державина и Петра Столыпина.

и такого, о чем и не снилось всем предыдущим поколениям. А объем ума остался прежний. Кто скажет, какие открытия и достижения ожидают человека впереди?

Бытие прежнего человека было устойчивым, познание мира и познание совести у него были уравновешены. Современный человек — головастик: познание мира у него протекает на подобие вихря, поэтому познавать совесть ему никогда и нечем. Вот это и может привести его к катастрофе.

Для человека, преодолевшего время, мир представляется совсем не тем, чем представляем его мы. Но: вырваться из земной оболочки, это значит — стать бесплотным духом. Как известно, при движении со скоростью света предмет становится двухмерным. Здесь свет приобретает особое, мистическое значение. Здесь мы уже явственно соприкасаемся с планом религиозным. Мистика, наука, религия, спиритуализм на этом рубеже переплетаются друг с другом. И надо признать, что и в плане религиозном все это не опровергается, — и в христианстве и в других религиях и системах, не даром спиритуализм входит во всех них не только существенной, но и про-сто основной частью.

Удручит бедность фантазии тех лиц, которые рассказывают о своих встречах с небожителями, с пассажирами пресловутых дисков. Самы диски, повидимому, не фантазия — уж очень много серьезных свидетельств. Что-то есть, какое-то явление, какой-то, нам пока неизвестный феномен. Но надо до помрачения ума, до судорог держаться за землю, чтобы наши, земные, рамки и представления механически переносить на то, что, очевидно, является к нам из внеземных пределов. Почему это не временно должны быть людьми, с теми же носами, ушами, руками, головами и поглаздами, хотя образовалось все это вне земли и в условиях, которых мы не знаем? Чувствуете ли вы, читатель, что вы уже живете в Апокалипсисе, что он — вот, здесь, с нами, не фигурально, а самым реальным образом? Что Зверь из бездны — не символ, не отвлеченный, придуманный образ, а наша черная и жуткая действительность, которая так тяжко отозвалась на жизни и всего человечества и на нашей?

Тогда к чему же надо выражать его в ушах, руках, лицах, программах, торговых договорах и ракетах? Очевидно, что это — явление духовное, религиозное и внеземное, и никаким земным средствам оно не подвластно.

“Зверь, которого ты видел, был и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель... И десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые еще не получили царства, но примут власть со зверем, как цари, на один час. Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. Они будут вести брань с Агнцем и Аицем победит их” (Откр. 17. 8, 12-14).

П. Панин

Политическая Хроника

ПРОТИВ ПОЕЗДКИ АЙЗЕНХАУЭРА

Нам пишут из Нью Йорка:
Под председательством кн. С. С. Белосельского-Белозерского состоялось открытое собрание, устроенное Исполнительным Комитетом Русских Антикоммунистических Организаций в Нью Йорке. Собрание было открыто председателем этого Комитета Б. Л. Бразолем. По предложению епископа Флоридского НИКОНА собрание пропело “Вечную память” жертвам коммунизма. В произнесенных речах было выражено отрицательное отношение русских противников коммунизма к приглашению Хрущева в Соединенные Штаты президентом Айзенхауэром, удовлетворение по поводу отношения большинства американцев к Хрущеву и надежда на то, что это отношение американского народа заставит Айзенхауэра отказаться от намеченной им поездки в Москву. По предложению устроителей, собрание приняло текст обращения к президенту Соединенных Штатов с просьбой отказаться от этой поездки.

ДЕЛО Н. ВЫГОВСКОГО

Нам пишут из Мюнхена:
Прокурорский надзор в Кёльне сообщил, что по обвинению в шпионаже в пользу большевиков в Дюрене (Рейнская провинция) арестован в августе с. г. проживавший там с 1954 года перебежчик, бывший капитан советской армии, Николай Выговский.

Выговский, которому 43 года, появился в Западной Германии пять лет тому назад и выдавал себя за дезертира из советской армии, бежавшего на Запад вследствие разочарования в коммунизме. Ныне германские судебные власти пытаются выяснить, был ли он советским агентом с первых дней своего “бегства” на Запад или стал им вследствие, вследствие того, что ему пришлось на Западе пережить.

К ПРЕБЫВАНИЮ ХРУЩЕВА В АМЕРИКЕ

Нам пишут из Нью Йорка:
Основанный в Вашингтоне несколькими американскими сенаторами и антикоммунистическими деятелями Комитет Освобождения всех Народов обратился к населению Соединенных Штатов с воззванием, призывающим его ознаменовать пребывание Хрущева в Америке национальным трауром. В числе лиц, подписавших это воззвание, двое русских — И. И. Сикорский и проф. Г. П. Струве.

КОНЧИНА ХУДОЖНИЦЫ РИММЫ НИКИТИШНЫ БРАИЛОВСКОЙ

28-го сентября с. г., в общежитии при французском монастыре во Фраскати под Римом, скончалась на 93-ем году жизни известная русская художница и иконописец Римма Никитишина Брайловская. Дочь ярославского вице-губернатора, она еще молодой увлеклась живописью, которую поехала изучать заграницу, где познакомилась с художником Брайловским. По возвращении из заграницы, они венчались и много лет совместно работали; при поездках по русскому северу они воспроизвели на полотне многие забытые древние православные храмы нашей Фиваиды, старинные церкви Новгорода и Пскова, Архангельска и Устюга, которые впоследствии были уничтожены большевистскими безбожниками. Революция привела их в Крым, где они встречались с поэтом Максимилианом Волошином, и затем — в Белград, где работали декораторами театра; в 1925 году они переехали в Рим, где продолжали работать над картинами старинных русских храмов. Прекрасная неповторимая коллекция, изображающая теперь уже несуществующие храмы, занимает несколько зал одного из Ватиканских музеев на виа Кончилиационе. После кончины мужа и несчастного падения, лишившего Римму Никитишину возможности самостоятельно передвигаться, она продолжала работать, выполняя заказы на иконы в древнерусском стиле и выставляя иногда на выставках свои картины.

Мне хочется отметить ту широкую и щедрую помощь, которую Римма Никитишина оказала многим русским эмигрантам как старой, так и новой эмиграции, в позорные годы охоты за нашими черепами советских репатриационных комиссий; в ее комнате находили приют и опасавшиеся выдачи семья новых эмигрантов, и семья находившегося под угрозой выдачи большевикам, содержавшегося в лагере на острове Липари видного русского врача из Белграда; у нее проживал с сестрой безногий калека — б. офицер из новой эмиграции, лишь много лет спустя нашедший приют в одном из домов старости для наших эмигрантов; по всему свету рассеяны пользовавшиеся ее гостеприимством русские люди, которых призываю помянуть ее в своих молитвах.

На 93-ем году жизни Римма Никитишина сохранила поразительную работоспособность: еще три месяца назад она, сидя в кресле, работала над очередной иконой и говорила мне о проекте

МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНОХ РАЗВЕДЧИКОВ СКАУТОВ ОРЮР

Назначенное на 26 сентября сего года и отмененное затем

ОЧЕРДНОЕ СОБРАНИЕ КЛУБА СТАРШИХ СКАУТОВ

состоится в субботу, 17 сего октября, в 19 час. в помещении скаутского барака ул. Буэнос Айрес, 2655, Флорида

В программе: УСТНАЯ ГАЗЕТА — Вести со всего мира и с нашей Родины; интересное в области науки и искусства. Литературное отделение, посвященное М. Зощенко, в исполнении любителей русского искусства.

Танцы. Буфет. Всю молодежь сердечно приглашают РУКОВОДИТЕЛИ КЛУБА

БАЛЕТНАЯ СТУДИЯ МАШИ ПАВЛОВОЙ

В субботу, 31 сего октября в зале CONSEJO DE MUJERES состоится ежегодный отчетный СПЕКТАКЛЬ - БАЛЕТ
Начало в 16.30 час.
Билеты — у М. Павловой-Ловцовой, а в день спектакля — в кассе.

СЕДЬМАЯ ПО СЧЕТУ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА “СОРОК ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ”

в салоне Partido Democrático Conserv. Popular Corrientes 938
Открыта ежедневно от 9 до 21 час.

EL INSTITUTO CULTURAL ARGENTINO-RUSO ANTIKOMUNISTA УСТРАИВАЕТ

в годовщину Октябрьской революции в пятницу, 6 ноября с. г., в 17 часов

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ТРАУРНОЕ СОБРАНИЕ

Colegio San Salvador (Callao 542)

Контора газеты “Наша Страна” очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

устройства выставки ее икон и картин в Риме; посетив ее во Фраскати недавно назад, я нашел ее сильно ослабевшей и лежавшей в постели; она рассказала мне, что на днях забылась и думала, что уже умерла, радуясь легкости перехода в иной мир; очнувшись, она решила, что Господу угодно дать ей силы подготовить еще одну икону Божьей Матери к выставке, которая состоится весной. Но мне она говорила о том, как легко умирать, желая и мне встретить также спокойно час, когда и меня Господь призовет в тот мир, куда она скоро отправится. Дай Бог всем ее рассеянным по миру друзьям такое же долголетие, работоспособность и ясность ума и свежесть памяти, которые она сохранила до десятого десятка, и такую же светлую спокойную христианскую кончину.

Алексей Ростов

Доктор медицины

А. Ю. БОГОЛЮБСКИЙ
Mendoza 4949/2/Н — Т. Е. 52-2083
VILLA URQUIZA
(три квартала от станции)
ПРИЕМ
по вторникам, четвергам и субботам
от 16.00 до 18.00 час.

ТИРАЖ “НАШЕЙ СТРАНЫ” ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

ЗУБНОЙ ВРАЧ Dra. PISAREVICH de HORNBAIN
Д-р медицины
с дипломом 2-х университетов:
Бухарестского и Розарио
(говорит по-русски)
Лечение и удаление зубов.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541
p. 2, dpto. Н
Capital Т. Е. 88-3605

иха, начинает более решительным, которое проделывает пробравшиеся в РОНА. Но в ближайшее время не зайдет насилий, то партийный отряд будет арестован и на его НА подполковник Белай.

и все то, что рассказал ему уже выйдя на двор он спросил Каминский к Власову и пойдет то понадобится.

тельно к вопросу слияния, он х вооруженных сил. Это тоже принимать меры к устране-

белай?

читает, что Власов, а не Каминский удастся объединить все, разбросанные в России и в вистскую армию.

и спросил:

никаевич, относитесь к Власову, вы, кажется, говорили, еком, убежденным антикоммунистическим возглавить борьбу про-

. И все бойцы тоже. Все, что ялся в РОНА я уже сделал. олович. — Это очень хорошо. жу до вокзала и по пути рас-заинтересовать. В Дятлово на- Союза, дозгавляющий отдел в Ригу. Знаете, зачем?

авителю Власова полковнику ову, что внутри Русской От-

дельной Народной Армии сделано все для того, чтобы в решительный момент она соединилась с РОА. Так что, Алексей Николаевич, подумайте, подумайте! Нам нужны честные идеисты для борьбы с большевистскими и немецкими агентами, которые пытаются всеми силами разложить офицеров и солдат РОНА. Нам нужны люди, которые в момент переворота поддержали бы Белая. Немцы рано или поздно попытаются уничтожить Каминского. Они постараются превратить РОНА после смерти Каминского в обычную дивизию СС вроде дивизии “Галиция”. Этого нельзя допустить. Если Каминский погибнет, Белай приведет дивизию и сдаст ее Власову. Он уже дал честное слово, что сделает так.

— Хорошо, хорошо, подумаю, — ответил Николаев, возбужденный тем, что он услышал от Орловича. Неужели же все-таки сбудется то, о чем мечтают большинство добровольцев во всех пятистах добровольческих батальонах. Неужели удастся объединить все разрозненные добровольческие части и создать крупную силу против Сталина.

Простившись с Орловичем, Николаев быстро пошел к вокзалу. Через несколько минут уходил поезд на Барановичи. Нужно было спешить.

XVII

День проходил за днем, а в Малых Будах и окрестных деревнях попрежнему все было тихо. Куда ушли партизаны, где они устроили новый лагерь, разведчики не могли узнать, как ни старались. Переодетые крестьянскими парнями Макеев и Филин все время бродили по лесам, но не встречали никаких следов, которые говорили бы, что поблизости есть партизанский лагерь.

Так прошло около трех недель после возвращения Николаева из Минска. И Гофману и Николаеву такое затишье не нравилось, они подозревали, что партизаны замышляют что-то новое, что они неспроста ушли из расположенных по берегам Синюхи лесов.

Это было, действительно, затишье перед грозой. Через три недели после возвращения из Минска Николаева в Малые Буды вернулся лежавший в госпитале Никифоров, раненый во время

ночного боя с отрядом “Седого”. Никифоров привез очень тревожные вести. Он сообщил, что в Минске приехал из Бобруйска один знакомый ему офицер РОА и сказал, что Бобруйск захвачен Красной армией, что фронт прерван в нескольких местах около Бобруйска и около Витебска. Танковые части большевиков прорвались у Витебска прошли западнее Минска и ведут наступление на Вильнюс. По слухам, танковые части и сопровождающие их казаки полки обошли уже Вильнюс с запада и поворачивают на юг, стараясь соединиться с частями, ведущими наступление в районе Брест-Литовска.

— Минск уже, значит, в тылу? — спросил Василий Темников Никифорова.

Известие, привезенное Никифоровым, взволновало Темникова и он ходил крупными шагами по комнате.

— Выходит, что так.

Николаев взглянул на висевшую на стене карту Восточной и Западной Белоруссии. Дело выходило совсем дрянь. Если сведения, привезенные Никифоровым верны, если Молодечно уже взято и танки и кавалерия находятся уже за Вильнюс, значит они оказываются в огромном кольце. Кольцо еще не замкнуто между Брест-Литовском и Белостоком, но для того, чтобы достичь Белостока надо пройти сотни километров по глухим лесам, в которых ходят партизанские отряды.

— Что еще говорят в Минске? — скрывая свое волнение, спросил Николаев.

— Говорят, что передовые части красных уже подошли к Неману в районе Дятлова. Немецкие части не приняли боя. Заместитель Каминского полковник Белай открыл по отступающим немцам огонь из пулеметов. С пистолетом в руках гнал немецкого капитана в бой против высаживавшихся из лодок красноармейцев. Ночью немцы покинули позиции. Я видел на вокзале одного из РОНА, он сказал, что части РОНА удерживают еще большевиков на Немане, но, что Каминский отдал уже приказ об эвакуации всех семей. Вы, ведь, знаете, у них солдаты семейные. Около пяти тысяч подвод надо отправить вперед.

ДНЕВНИК наблюдателя

МИР, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Если верить словам, то Хрущев все-таки убедил Мао! Мы уже писали, что они уединенно “конферяли”, даже отказавшись от удовольствия посмотреть московский балет в Пекине. Хотя Мао бряцал оружием, в результате вершинной конференции между ним и Хрущевым, красно-китайская печать сдержанно выступила с одобрительными замечаниями по поводу коммюнике, выпущенного в Кэмп Дэвид. Воинственный азарт красных китайцев ослабел и они в тон Хрущеву закивали головами: “Мир, мир, мир!” Красные китайцы пустились даже на новые миролюбивые маневры: они пишут ласковые письма к Неру и... прямо в штаб к Чан Кай-ши. Они приглашают его сына и еще одного генерала с Формозы побывать в Красном Китае и убедиться в прогрессе, достигнутом при коммунистическом управлении! Разумеется, китайцы с Формозы не простачки. Не поедут! А все-таки “маовцы” утверждают, что, захватывая Формозу, они будут делать внутреннее дело, и никто не смеет вмешиваться; и все-таки 50.000 тибетских антикоммунистов не сложили оружия.

Неру заявил, что не потерпит нарушения границ Индии, и его представитель в ООН Кришна Менон выступил с речью, обвиняя Красный Китай во вмешательстве во внутренние дела и в нарушении границы. Он тут же прибавил, что это все будет урегулировано мирными переговорами, и что Красный Китай надо принять в состав членов ООН.

Настроения Кэмп Дэвид распространяются и разливаются по миру широкими сосуществовательными улыбками. Авиационная компания “Пан Америкэн Эйр Уэйз” уже готовится к проведению первой линии воздушного транспорта между Нью Йорком и Москвой, а мировая печать совершенно не упоминает о каких-либо нарушениях свободы в коммунистическом мире.

Положение можно характеризовать, как отступление обеих сторон. Когдато, стремясь к президентскому креслу, Айзенхауэр обещал добыть свободу всем советским сателлитам Восточной Европы, т. е. странам, захваченным “некоторыми русскими”. Потом он основательно забыл о своем обещании и робко отстаивал права свободолюбивых немцев Западной части Берлина. Т. е., отступил от намеченной цели. Хрущев очень громко говорил о том, что захватит Западную часть Берлина и заключит мир с красными немцами. Даже даты назначал и оружием позывными. Теперь тоже отступил. Молчит. Очевидно, все разногласия они оба решили сунуть в долгий ящик и не касаться их. Ведь можно же жить и при разногласиях! Сколько лет жили.. Чего же теперь ссориться?

Итак, разделенный на две сферы земной шар продолжает свою смятенную жизнь в ожидании того дня, когда разногласия все-таки выйдут наружу.

А жизнь идет дальше. Потрясающее впечатление вызвало грандиозное достижение советской техники: запуск снаряда, несущего целую лабораторию измерительных, сигнальных и т. п. приборов. Этот снаряд, названный советскими учеными “Лунник III”, как сообщают газеты, по заданной траектории и будучи руководимым с земли, уже облетел луну, сфотографировал ее в частях, которую человеческое око никогда не видело, произвел еще ряд измерений и, по намеченной траектории приближается к земле, чтобы здесь сдать груз своих научных данных, приобретенных в межпланетном пространстве.

Мы оказываемся современниками величайшего достижения человеческой гордыни, от которого кружится голова. Весь современный мир с затаенным дыханием следит за полетом “Лунника”. Но не все приходят в восторг. Сквозь строки восторга от советского достижения чуются и другие слова: “И увидел я выходящего из моря зверя, (которому) дракон дал... великую власть... и дивилась вся земля и поклонилась дракону, и поклонялись зверю, говоря — кто подобен зверю сему?.. И даны ему уста, говорящие гордо и богохульно... и дана ему власть над всяким коленом и народом, и языками и племенем. И поклоняются ему... И увидел я другого зверя выходящего из земли... он творит великие знаме-

ния... и чудесами... он обольщает живущих на земле...”

Узнаете, откуда эти слова? Сравните с 13-ой главой Апокалипсиса!..

Благодаря тому, что во всем мире лишь очень немногие почтуяли в деле межпланетного плавания дух антихриста, запуск “Лунника” придал Хрущеву очень много храбрости. Он хвастливо заявляет об остальности Америки, приписывает межпланетные достижения тому, что в СССР господствует коммунистическая система и ведет себя по отношению к свободному демократическому миру высокомерно и дерзко.

На Запад же ему вторят. Там говорят, что даже если СССР остановится в области изысканий о межпланетных полетах, то и тогда Америке надо еще 3-4 года, чтобы его догнать.

Уехав из Пекина, Хрущев именно в этом тоне говорил во Владивостоке и в Красноярске. “Похлопывал по плечу” Айзенхауэра за мудрость (что тот привнес Хрущева в Америку), говорил о дружбе с Америкой и сообщил, что он лично убедился в том, что ни американцы, ни Америка, ни Президент Айзенхауэр не желают войны. Разумеется, Хрущев заявил, что он тоже хочет только мира.

Здесь что-то не так. По учению Карла Маркса, капиталисты непременно и постоянно желают войны ради своих сверхприбылей. Если Хрущев убедился в обратном, то — чего стоит Маркс? Если Хрущев корректирует Маркса, то спрашивается, — чего стоит вся коммунистическая теория? Эта теория говорит, что война есть необходимая предпосылка к революции. Если Хрущев не хочет войны, то, стало быть, он отказывается от пролетарской революции. Во всей этой путанице есть одно только здоровое звено: американцы не хотят войны. В остальном чувствуется грандиозная ложь и остается только ждать: когда и как она выйдет наружу? Свое обещание похоронить Америку Хрущев назад не взял, несмотря на миролюбивые разговоры.

Наконец, Хрущев хвастает, что благодаря достижениям в области техники межпланетных полетов, в СССР скоро можно будет установить такой порядок, чтобы люди работали только по три-четыре часа в сутки. Наступит, дескать, царство всеобщей сытасти. Не будучи способен думать о чем-либо более достойном человека, кроме вопроса полного желудка, Хрущев обещает все и всякие блага с легкостью, напоминающей Хлестакова. Между тем, в гастрономических лавках в СССР “сыпучие товары” (булка, мука и т. п.) отпускаются... в тару покупателя. “Спутники” есть, а оберточной бумаги — нет. Со страниц “Правды”, повествующих о советской торговле, глядят все та же нищета, нужда, недостатки, грязь... с овetchinой!

Насколько же заслуживают доверия слова Хрущева о мире со всем миром? Ответ несколько ниже.

Министр экономики Аргентины совершил поездку в САСШ, где имел ряд встреч с финансовыми и промышленными деятелями Сев. Америки. Все сведения о его поездке обещают в недалеком будущем преодоление критического положения в экономике страны. Результаты, однако, еще не видны, а повышение цен продолжается. На днях должны на 50% подняться цены на жел. дор. транспорт и электричество. Недавние забастовки, урегулированные только отчасти, сопровождались актами терроризма. При разборке невзорвавшейся бомбы установлено, что она изготовлена за Железным Занавесом. Полезно было бы узнать у Хрущева — где именно?..

Коммунисты помнят сталинское указание: “Работать надо, товарищи, а не хныкать!” В тине мирного сосуществования коммунизм плетет свои гнусные сети, чтобы распространить коммунистическое рабство на весь мир.

Из жизни Аргентины следует отметить еще два факта. Первый из них это Евхаристический Конгресс, происходящий с большим подъемом в г. Кордоба. О числе собравшихся можно судить по тому, что в день причащения детей было 300.000 причастников. Если Буэнос Айрес живет духом интернационального безразличия, то жизнь внутренней страны свидетельствует, что Аргентина верна традициям Римского Католицизма.

ИЗДАТЕЛЬСТВО “РУСЬ”

предлагает следующие свои и чужие издания:

История русского масонства (т.т. I-VI) — 17 дол. с пересылкой. ● В. Иванов. **Тайны масонства** — 0.75 дол. ● **Антисоветские анекдоты** — 0.25 дол. ● Б. Башилов. **Миф о русском “сверхимпериализме”** — 0.75 дол. ● Б. Башилов. **Враг масонов № 1 (Масоно-интеллигентские мифы о Имп. Николае I)** — 2.25 дол. ● Лукин. **Масонство в русском скандинавизме** — 0.50 дол. ● Б. Башилов. **Почему Имп. Николай I запретил в России масонство? Русская Европия к началу царствования Имп. Николая I** — 1 дол. ● Б. Башилов. **Тишикий царь и его время**. — 1 дол. ● Б. Башилов. **Робеспьер на троне (Исторические результаты совершенной Имп. Петром I революции)** — 2 дол. ● Б. Башилов. **Русская Европия (Россия при первых преемниках Петра I)** — 1 дол. ● Б. Башилов. **“Златой век Екатерины II** — 2 дол. ● Б. Башилов. **Рыцарь времен протекших (Имп. Павел I и масоны)** — 1.25 дол. ● Б. Башилов. **Имп. Александр I и его время (Масонство в царствование Имп. Александра I)** — 2.25 дол. ● Б. Башилов. **Масоны и заговор декабристов** — 1.25 дол. ● Б. Башилов. **Незаслуженная слава (Антинациональная роль русской интеллигенции)** — 1.50 дол. и многие другие книги.

Высылка книг во все страны.

Заказы и письма направлять по адресу:

M. Tamarzoff, Casilla Correo No 4, Villa Ballester, FNGBM, Argentina.

ДРУЖЕСКАЯ ПОМОЩЬ БОЛЬНОМУ ПОЛК. С.

Получено от Общества и Издательства “Обозрение Света и Тьмы” — по Подписному листу — от В. М. И. — 100 песо, от В. Покровского — 25 песо, от В. Янчевского — 10 песо, от В. Михайлова — 50 песо, от Л. Барановской — 10 песо, от Е. Н. — 5 песо.

Вышел из печати VII том ИСТОРИИ РУССКОГО МАСОНСТВА (“Пушкин и масонство”. “Когда диавол выступил без маски в мир”)

Цена 3 доллара

Отдельное издание — “Пушкин и масонство” — Цена 2.25 доллара.

Заказы направлять: M. Tamarzoff, Casilla de Correo No. 4 Villa Ballester, FGMB, Argentina

РОЗЫСКИ

Мациенко Юрий Дионисьевич, бывший в 1944 году в Югославянской армии, разыскивается по просьбе матери. Лиц, знающих что-либо о его местопребывании, покорно просят звонить от 9 до 13 часов по тел. 33-2274 или 34-6151, или обращаться письменно по адресу:

SERVICIO SOCIAL INTERNACIONAL
Paseo Colón 255, planta baja, Bs. Aires

В Буэнос Айресе скромно отпраздновано столетие учреждения здесь масонства 33-й степени. В здании ложи (ул. Кангажо, 12-й блок) был братский ужин. Братья посетили также могилы своих умерших сочленов, где были произнесены соответствующие речи. В Англии на выборах победили “тори” — консерваторы. Обозреватели полагают, что это связано с популярностью Мак Миллана, которую он приорел борьбой за мир. Он и сам любуется собой, считая себя инициатором борьбы за мир, достигаемый никитоплонством. Но, как бы то ни было, Мак Миллан все же лучше, чем лейбористы, не к ночи бы их вспоминать.

А в Ираке — коммунистический террор. Возник он по поводу того, что диктатора Кассема подстрелили, когда он ехал в автомобиле по улицам Багдада. Кассем ранен несколькими пулями. Стрелявший скрылся. Сейчас идут массовые аресты и страна объявлена на военном положении. Народ в страхе прячется по домам. Улицы пустынны. Над Ираком повис прогрессивно-нарастающий революционный страх, коммунистический ужас.

Болтаются в пространстве богохульные “спутники”. Туман сосуществования все глубже и глубже окружает землю ираком. Люди женятся и выходят замуж. Так было, когда Ной вошел в ковчег... Наблюдатель

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAÍS

Organo Monárquico Russo

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

Телефон 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central, Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Russo), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M. P. O. C., Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz, Asunción.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

Russian Book Store “Russ”, 443 Balboa Str., San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave., Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14th Str., New York 3, N. Y.

Allies Book Shop, 3456 Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle Str., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 172, Lakeshore Drive, Montreal 33 (Dorval), Que., Tel. No. M-1-0815.

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slave, 13, rue de Roumanie, Bruxelles.

France: Mr. A. Krivcheff, “Kama” 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoless, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboom-stücken 29/I, Wohn. 2.

Greece: Mr. Filatoff, rue Dedalou 26, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Anna Str. 1, Oosterbeek.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str., Buderim, Brisbane, Qld.

Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N. S. W.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 5 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. ф.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв.